

Терпению Пэй Цуна настал конец еще на пороге.

Ребенок, которого тащил за собой Чезаре, едва заметно повел зрачками и, увидев Пэй Цуна, на мгновение инстинктивно замер.

Холодное лицо и давящее присутствие Пэй Цуна заставили паренька втянуть голову в плечи.

Но он снова медленно поднял взгляд, с жалкой жадной выживая.

Тихим, дрожащим голосом, изо всех сил пытаясь угодить, он осторожно спросил:

— Господин... я могу остаться?

Паренек попытался изобразить кроткое выражение лица и даже украдкой сделал полшага к Пэй Цуну, надеясь получить хоть какой-то отклик.

Чезаре стоял в стороне, не двигаясь. Его ресницы были опущены, а взгляд – липкий и мертвенно-холодный – с самого начала и до конца впивался в каждое движение пальцев этого ребенка: от страха до попытки подольститься.

Эта трусливая, но в то же время льнущая манера паренька заставила холод, что клубился в глазах Чезаре, бесшумно прорасти сквозь сердце.

Пэй Цун лишь холодно скользнул взглядом по ребенку. Во взгляде читались отвращение и ледяное спокойствие.

Он поднял руку и резко схватил Чезаре за шиворот, пальцы беззвучно сжались. Холодный гнев, пробиравший до костей, готов был выплеснуться наружу.

— За мной.

С этими словами и стиснутыми зубами, он с грохотом захлопнул дверь, оставив за ней лишь змееныша.

— Объяснись.

Пэй Цун говорил сдавленно, голос его напоминал сухую ветку, пропитанную ночным дождем, который того и гляди сломается.

Чезаре ответил не сразу. Он стоял в тусклом свете, сырой, безмолвный, и даже тень его казалась длиннее, чем он сам.

Его черные глаза блестели, ресницы были опущены, на лице застыло послушное, смиренное выражение.

— Эта штука... — Пэй Цун уставился на ребенка, голос его стал низким, почти хриплым. — Откуда у тебя столько свободного времени?

Пэй Цуну казалось, что, хоть внешне Чезаре и не пострадал, по мозгам ему досталось знатно.

Какая святая на него снизошла? Не желает ли она прямо сейчас покинуть его тело?!

Чезаре поднял взгляд, его голос был очень тихим:

— Разве он тебе не противен?

— Я привел его, — продолжил он тем же приглушенным тоном, яд сочился из глубины его горла, — чтобы ты с ним разобрался.

Он впился взглядом в Пэй Цуна, словно хотел вцепиться в самое сердце, но в итоге лишь медленно сгустил черноту на дне глаз.

Чезаре не рассердился по-настоящему, когда Пэй Цун отказался пить его кровь и оттолкнул его. Он лишь почувствовал недоумение.

В этой противоречивой холодной войне Чезаре решил «успокоить» Пэй Цуна своим способом.

Он спас ребенка не из жалости, а с мыслью: «Я принесу Пэй Цуну этого никчемного, чтобы он развлекся»:

— Я помог тебе избавиться от того, кто мозолил глаза в переулке. Так ты станешь чуть счастливее?

Пальцы Пэй Цуна дрогнули, и на душе будто ледяной водой плеснули.

Он действительно не ожидал, что Чезаре так быстро заметит неладное. Их спор утонул в гнетущем молчании.

В конце концов Пэй Цун не сказал ни слова и просто уставился на него.

Кончики глаз Чезаре были чуть приподняты, бледно-белая кожа покрылась холодной влагой. Он был красив, худ и смотрел прямо на Пэй Цуна, а тот, в свою очередь, просто не мог вымолвить ничего слишком жестокого.

— Ладно, пусть остается. Завтра я лично прикончу его.

Взгляд Чезаре в тени стал еще темнее, он бесшумно потянулся к шее Пэй Цуна.

Краем глаза он заметил его кровать. Сегодня утром он проснулся именно на этой кровати, и тогда его хвост все еще был зажат в руке Пэй Цуна.

Пэй Цун заметил его взгляд и усмехнулся про себя. Он открыл дверь:

— Еще не убрался?

Подумаешь, на шею ему сел.

Чезаре молча вышел из комнаты Пэй Цуна. Малыш, который ждал в конце коридора, тут же прилип к нему, словно тряпичная кукла, источая жутковатую, неживую атмосферу.

Пэй Цун презрительно хмыкнул.

Чезаре опешил. Он подошел и кончиками пальцев свободно ухватил малыша за рукав. В его глазах было спокойствие. Он выслушал тихие слова ребенка и мягко произнес:

— ...Ничего страшного.

Во взгляде Пэй Цуна застыла ледяная вода. Он с грохотом захлопнул дверь. Оставшись в комнате, он чувствовал, как в душе клубятся мрачные тени.

«Этого ребенка нужно убрать.»

Он привык, что Чезаре беспрекословно слушается, привык к его молчанию, когда достаточно лишь слова, привык, что тот всегда рядом и не допускает ни малейшей ошибки.

К этому ребенку он не испытывал привязанности. Только стремление контролировать.

Он сделал из Чезаре острое лезвие, установил правила, отточил грани. Чезаре всегда все делал отлично.

Пэй Цун вспомнил, как только что Чезаре вел себя с ребенком, словно в него бес вселился, и поморщился от досады.

Если он просто убьет ребенка, Чезаре же не устроит сцену?

Как только дверь закрылась, Чезаре медленно повернул голову, и тьма в его глазах в один миг поднялась на поверхность.

Его пальцы сжались, и он внезапно мертвой хваткой вцепился ребенку в запястье. Суставы хрустнули.

Ребенок, встретив этот мертвенно-спокойный взгляд, инстинктивно отпрянул.

Но он не отпустил. Напротив, с улыбкой наклонился еще ближе.

— Ты же так хорошо умеешь подлизываться?

— Попробуй-ка подлизаться к нему еще разок?

Голос Чезаре был мрачным, удушающим. Он звучал зловеще, дюйм за дюймом, медленно выжимая из ребенка его волю к жизни, заставляя того дрожать от страха.

Малыш вздрогнул от этого холода и в мгновение ока исчез в темном углу коридора.

По Загрязненной зоне ползли зловещие слухи. Все боялись, что кто-то опередит их и заберет эволюционный стабилизатор, но никто не знал, где же на самом деле находится настоящая «добыча».

Атмосфера накалялась с каждым днем. На пунктах снабжения тайно завышали цены на стабилизаторы генов, а на мосту всю ночь раскачивался труп.

В руинах, темных переулках, у энерготочек и даже в безлюдных пустошах находили мертвые тела, и обстоятельства их смерти были неясны.

Все знали: Инфу вышел на охоту.

Пэй Цун шагнул в логово Крысиного Хвоста. На нем были мазута и еще не высохшие пятна крови. Без лишних слов он сел и швырнул запечатанный чип.

Крысиный Хвост принял его обеими руками, прищурился:

— Твои хозяева не боятся, что игра с огнем добром не кончится?

— При сборе информации знай свое место. Слишком много узнаешь, — Пэй Цун провел пальцем по горлу, — заставлю замолчать.

У Крысиного Хвоста была противная фигура, узкие покатые плечи. Его красно-карие глаза в темноте бегали туда-сюда. Уши, длинные и заостренные, были такими тонкими, что почти просвечивали.

— Если бы не ты, мой хозяин и не рискнули бы ввязываться в это дело.

— Что говорит твой хозяин? — Пэй Цун лениво поднял взгляд.

Крысиный Хвост подобострастно усмехнулся, уголки его рта дергались. Он всегда действовал крайне осторожно, но, видимо, какая-то весть просочилась наружу, и этот опасный мужчина ухватился за его слабое место.

— Виланд... Господин Виланд знает.

Пэй Цун поднял руку. Крысиный Хвост напрягся всем телом, по спине побежал холодный пот.

В прошлой жизни Пэй Цун пересекся с Виландом, только когда попал в главный город. Тот был известной фигурой в подпольной торговле генами. Они объединились и натворили немало темных делишек.

Используя связи, наработанные в прошлой жизни, Пэй Цун связался с Виландом раньше, чем развернулись события.

Он знал, что Крысиный Хвост – единственный тайный агент Виланда в Загрязненной зоне, поэтому, естественно, знал, как выйти на эту линию.

— Правила сотрудничества остаются в силе.

— Направляй беду на восток, к старому причалу. Подбрось там пару намёков.

Крысиный Хвост облизнул губы:

— Поверят?

— Они уже отчаялись, как же не поверить.

Пэй Цун поднялся:

— Перегони товар через две пары рук, устрой две фейковые поставки, создай два ложных следа. Пусть они перемрут в заброшенном порту, только не на территории механиков.

Крысиный Хвост закивал:

— Понял, понял!

Неизвестно, кого прячет у себя Инфу, но он особо наказал: какие бы волнения ни поднимались, нельзя вовлекать в это дело механиков.

Пэй Цун встал и направился к выходу.

Крысиный Хвост склонился в нелепом поклоне:

— Господин Инфу, я передам господину Виланду вашу искренность.

Пэй Цун замер, обернулся и окинул его взглядом, на губах заиграла легкая, пренебрежительная улыбка.

— Передай ему: а старый склад в Ночном районе всё ещё работает?

Крысиный Хвост вздрогнул и не посмел больше сказать ни слова.

Пэй Цун развернулся и ушел в ночь. В эту ловушку он подбросил ложную информацию о заброшенном причале.

Он, как никто другой, знал, что сейчас в Ничейной Земле нет и следа эволюционного стабилизатора. Настоящий стабилизатор только-только должен был отправиться из Главного города Федерации.

Пэй Цун не спешил. Он ждал, пока эти психи искусают друг друга до мяса и крови.

Пэй Цун толкнул дверь гостиницы. Холодный ветер ворвался внутрь, неся с собой пыль. В комнате горел тусклый свет. В поле зрения появились две фигуры.

Ребенок стоял на коленях у ног Чезаре, весь сжавшись. Его голос был настолько тихим, что его почти не было слышно, но в нем сквозило жалкое, грязное желание угодить.

— ...Ты можешь... дать мне имя?

Липкий голос просачивался в уши.

Чезаре опустил голову, не отвечая.

Пэй Цун замер на пороге, сквозняк прошелся по комнате. Он почувствовал себя третейским судьей, который пришел разрушить этот семейный уют.

В его сознании, словно ржавый гвоздь, засело воспоминание из прошлой жизни. Такой же грязный змееныш, свернувшийся перед ним, использовал ту же маску послушания, чтобы выжить,

По капле выманивая его расположение, льнул к нему, обманывал его.

«Ничтожество. Не смог устоять перед таким соблазном.»

Пэй Цун не знал, ругает ли он Чезаре или себя. Лицо его было холодным, слова застряли в горле.

— ...Ищете смерти.

Стиснув зубы, он молча подошел и, схватив Чезаре за шиворот, грубо выдернул его из этой грязной «нежности».

— За мной.

Голос звучал ровно, словно смоченный водой клинок, от которого веяло холодом.

Пэй Цун дотащил Чезаре до своей комнаты.

А тот спокойно, не отрываясь, смотрел на него. В его взгляде читалось легкое недоумение:

— ...Будешь пить кровь?

Пэй Цун зло усмехнулся. Он был готов нанести себе урон в десять тысяч раз, лишь бы Чезаре испытал боль.

— Ты сам просил.

Он наклонил голову и безжалостно вонзил зубы в шею парня. Сила укуса была такой, что кости издали глухой хруст.

Кровь была горькой, будто он вцепился в ржавую железку, терпкой и сухой, но он проглотил ее, не разжимая челюстей. Он нарочно мучил Чезаре, преподавая ему жестокий урок.

Чезаре глухо застонал, его спина напряглась, но он не отстранился. Лицо его было бледным, на губах появилась мрачная улыбка.

— ...Больно.

Но Пэй Цун неторопливо поднял руку и указательным пальцем собрал каплю этой горячей крови. Медленно, по капле, он размазал ее по губам Чезаре.

— ...чтобы зря не болело. Попробуй.

Подушечка его пальца надавила на губы Чезаре, в этом жесте было что-то полу-снисходительное, полу-насмешливое.

С тех пор Пэй Цун больше не решался оставлять их двоих наедине. Он боялся, что между ними действительно завяжутся какие-то чувства.

С того вечера, если только не предстояло дело, где нужно было рисковать головой, Пэй Цун всегда брал Чезаре с собой.

Обычные тренировки стали вдвое интенсивнее, движения - еще более жестокими, и в этом определенно чувствовалась личная неприязнь.

Чезаре с глухим стулом рухнул на землю. Пэй Цун даже глазом не моргнул и с размаху врезал ногой ему в ребра.

— Не притворяйся жертвой.

Чезаре скорчился, его плечи мелко дрожали.

Пэй Цун холодно развернулся и ушел, но вскоре вернулся и, сам себе противореча, бросил перед ним пакет с лекарствами.

— Забери. Не смей подыхать.

«Человек - такие двуличный», — подумал Пэй Цун.

Когда ребенок принял ту покорную, угодливую позу, Чезаре смог различить:

Этот паршивец действительно боялся Пэй Цуна, но его попытки подлизаться и пролезть вперед тоже были настоящими.

— ...Как же это мерзко, — медленно пробормотал он себе под нос. — Посмеешь только взглянуть на него по-настоящему — я тебя прикончу.

С такими мыслями он искоса глянул на Пэй Цуна и заметил, что лицо того, как всегда, не выражало никаких эмоций. Он лишь холодно смотрел, словно на никчемный мусор.

Чезаре слегка изогнул уголок рта.

Изначально он не планировал оставлять этого ребенка, но теперь...

Он поднял взгляд, вглядываясь в темный угол, лишенный света, прижимаясь спиной к холодной стене. Слабая боль в шее пронзила шею до самого затылка.

У этого ребенка оказался полезен.

Стоило ему лишь немного притвориться, и Пэй Цун высосал его кровь, стал брать с собой на задания, проводил с ним индивидуальные тренировки, уделяя ему все больше внимания.

После боли приходило горячее, пьянящее удовлетворение, медленно бродящее внутри, затягивавшее его всё глубже.

Было очень больно.

И приятно.

<http://bllate.org/book/14659/1601449>